

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ГРИШИ БРУСКИНА

Художнику сейчас жить так же интересно, как 20 лет назад

*Независимая газета, — 2001.
— 9 февр. — с. 7*

Нина Клебанова

ХУДОЖНИКИ не так часто пишут книги, хотя истории, безусловно, известны примеры. Что же заставило вас на время отложить кисти и краски и взяться за перо?

— Между прочим, именно за перо — я сначала по старинке все писал на бумаге и только потом перепечатывал на компьютере. Причина же, по которой я начал писать книгу, вполне естественна, мне всегда хотелось записать самые разные события, в центре которых я оказался: Нужен был повод, и он нашёлся — какое-то время назад меня попросили написать несколько текстов по поводу моих работ для монографии. Я писал о каких-то событиях, и мне стало интересно рассказать и о том, о чем разные люди, как мне казалось, вспоминали совершенно иначе, чем это было на самом деле. А это уже было важно в качестве исторического документа. Потом захотелось рассказать о

Десять с лишним лет назад московский художник Гриша Брускин стал звездой первого аукциона Сотби в СССР — шесть картин были проданы на сумму более миллиона долларов, и в частности, ставший теперь знаменитым «Фундаментальный лексикон» ушел за 416 тысяч долларов. Гриша стал известным художником. Он уехал на Запад, успешно работал и не менее успешно выставлялся. В новых условиях и при новых возможностях он смог сделать несколько оригинальных проектов и прославился еще больше. Не так давно он закончил работу по заказу правительства Германии для реконструированного здания рейхстага. А осенью прошлого года, теперь уже на аукционе Кристи, за 424 тысячи долларов была продана его картина «Логии. Часть 1». Очевидно, скоро Гриша станет еще и известным писателем — в издательстве «Новое литературное обозрение» выходит его ироничная, местами сентиментальная, местами поучительная автобиографическая книга «Прошедшее время несовершенного вида».

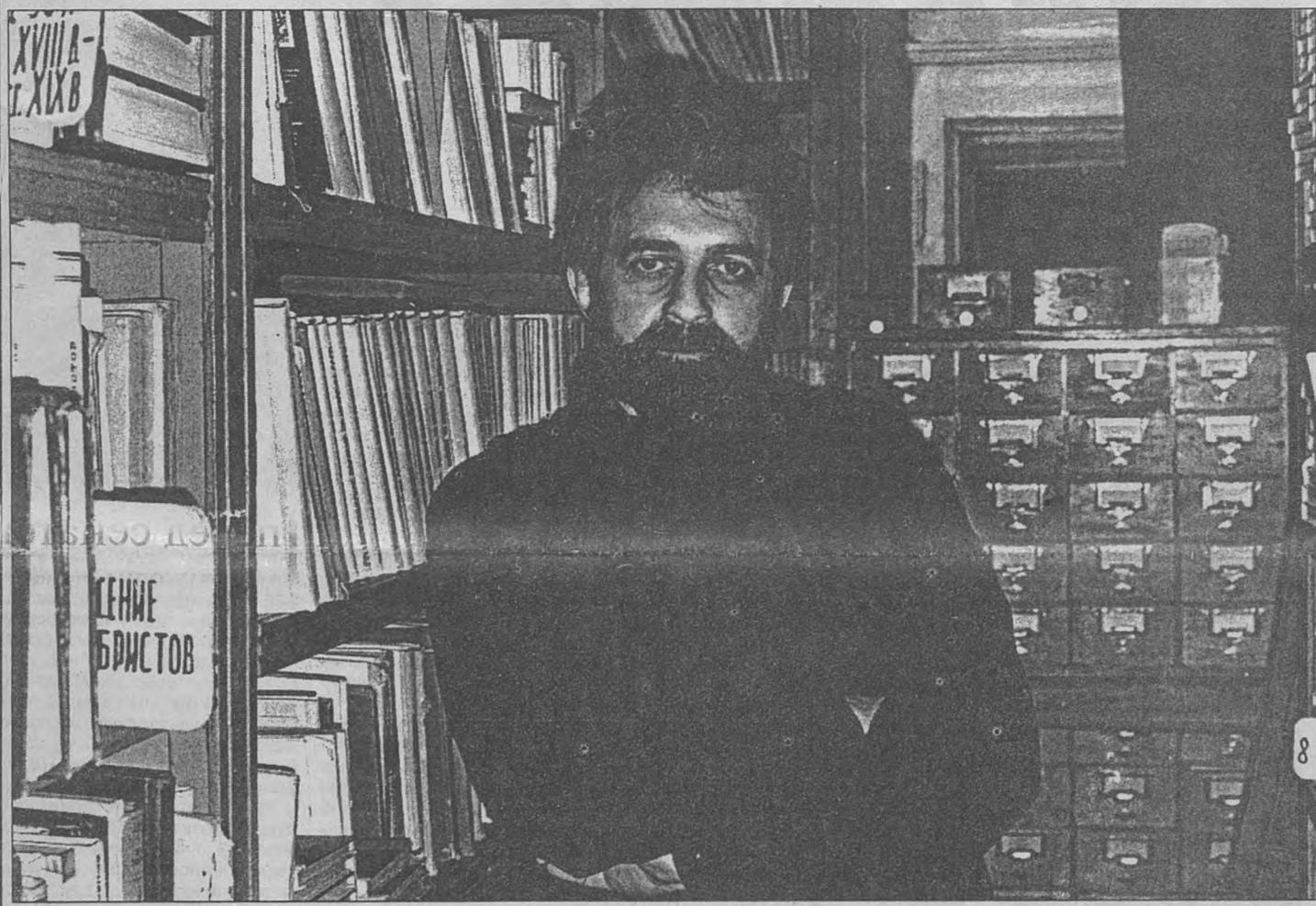
— Форма получилась очень быстро. Хотя, честно говоря, начав писать, я вообще не имел никакого представления о том, что мне необходима какая-то художественная форма для моих историй. Я ведь их просто записывал. Мне только хотелось, чтобы они были

ципе и старался писать только хорошее. Обычно, когда я читаю такого рода книги, мне не нравится, когда автор начинает сводить счеты со своими бывшими друзьями, конкурентами. Я готов в этот момент возненавидеть автора и возлюбить тех, кого боль-

ло в песок, серьезные художники этим не занимались, производство пришло в упадок. У меня была идея — поехать на один из фарфоровых заводов, найти мастеров и сделать интересный проект. Я приехал на знаменитый Кузнецовский завод, нашел мастеров, научил чему-то их, они, соответственно, — меня, и мы вместе сделали потрясающий проект. Уже были две выставки — в Нью-Йорке и Цюрихе, и мне интересно показать это и в России.

— Вы достаточно давно живете на Западе, но тем не менее регулярно бываете в России. Опять-таки, ваш фарфоровый проект создавался именно здесь. Каким художником вы себя ощущаете — западным или российским?

— Я бы назвал свою позицию «мерцающей». С одной стороны, я участвую в международном культурном процессе, мои персональные и групповые выставки проходят в галереях и музеях Европы, Америки. Иными словами — у меня здесь идет полноценная художественная жизнь. Но с другой стороны, я не стал американ-

Художник и писатель Гриша Брускин.
Фото Павла Горикова

том, что было до и что было после. Таким образом и получилась целая книга, которая представляет собой коллекцию мемуарных записок — я бы назвал это так. Я написал там и о раннем детстве, и о том, что происходит сейчас, посвятив свою книгу близким людям — моей жене Алесе, моим друзьям Соломону и Мариане Волковым. Именно Соломон, увидев какие-то мои первые записи, подбил меня продолжать.

— По сути дела, писать картину и писать книгу — это в любом случае творческий процесс. Насколько новая форма творчества была похожа на то, чем вы занимались раньше? И как обстояло дело с вдохновением?

— Книгу я написал на редкость легко — мне не надо было ничего выдумывать, и я точно знал, что хочу записать. Меня это занятие весьма увлекло, поэтому и писал с утра до вечера. Законы, по которым складывается произведение, для меня, в общем-то, сходны. Я книгу построил точно так же, как и свои визуальные работы. На самом деле в основе всего, что я делаю, лежит некая форма бесконечного произведения. «Фундаментальный лексикон» — типичный образец бесконечной картины, там две части, каждая состоит из 128 самостоятельных картинок, которые вместе складываются в произведение. Так же я построил свою книгу, которая представляет собой коллекцию примерно 350 текстов и сотни картинок. И принцип коллекции очень важен. Замечу, что там, конечно, есть и сюжет — моя жизнь. На мой взгляд, целостность в таком произведении достигается за счет того же, что и в коллекции жуков, бабочек, монет... Каждый текст напечатан на отдельной странице, причем это может быть и строчка, и полстраницы, а картинки — фотографии и мои работы — репродуцированы не как красивые цветные иллюстрации, а как документы.

— Подобная строгая форма была задумана в процессе написания книги, до или после? Когда вы поняли, как это должно выглядеть?

короткими и ясными. Я быстро заметил, что повествование следует разбивать на фрагменты, на некие осколки, потом сообразил, что это принцип, который надо эксплуатировать и использовать дальше. Получилась строгая форма, и мне уже доставляло удовольствие играть внутри этой формы. Что-то из области игры в бисер, конечно. Я перфекционист, и для меня важны качество и чистота формы. В конце концов в книге я пытался сделать все то, что и раньше. Только теперь я обращал внимание на ритм, дыхание (или шестелест переворачиваемых страниц), красные строки, отдельные слова...

— Возвращаясь от формы к содержанию, скажите, что было определяющим в выборе историй?

— Да все, что угодно. Прежде всего мной руководила потребность записать тот или иной эпизод. Начал я с истории московского аукциона Сотби в 1988 году — постольку, поскольку самое большое количество невероятных и неправдоподобных слухов я слышал в связи с этим событием. И я, кстати, привожу там все известные мне слухи и сплетни. Начиная с того, что у меня есть дядя-миллионер, и заканчивая версией о том, как спецслужбы ЦРУ таким образом пытались легально вложить деньги в СССР, чтобы организовать подрывную деятельность. Потом мне захотелось рассказать о том, что было до аукциона, и таким образом я дошел до детства и вернулся к сегодняшним дням — все эти истории казались любопытными не только для меня.

— А как вы решали проблемы личного характера, когда надо было говорить о людях, которые участвовали во всех этих историях? Не все же были милыми и приятными, кто-то, очевидно, и подлости совершал, как в таком случае вы выбирали, о ком писать с точки зрения этики? Старались уйти от подобных тем? И вообще, будут ли судебные иски после выхода книги?

— Ну, иски будут на 100%, даже если бы я писал только хорошее. А если серьезно — я в прин-

ше всего обругали. А писать самому нечто подобное тем более неприятно. Поэтому, когда речь заходила о, скажем так, не очень положительных людях, я просто не называл их по имени. Пусть догадываются, могут и неправильно догадаться.

— Вы сразу решили, где будете печатать свою книгу, учитывая то, что теперь вы все-таки живете в США?

— Естественно, я хотел, чтобы это печатали в России, писал-то я на русском языке. Хотя и перевод почти готов. Закончив книгу, я как раз поехал в Москву по делам (замечу, что бываю здесь довольно часто) и получил предложение от двух издательств — в результате остановился на «Новом литературном обозрении». И я не ставил себе задачу сделать шикарное издание, качество печати должно было быть таким, чтобы читатель смог разглядеть мои картины. А вот качество литературы — да, это была для меня важная задача.

— А что еще из ваших новых работ книги можно будет увидеть в России?

— По техническим причинам сделать большую ретроспективную выставку в России очень сложно, у меня просто не хватил сил все это организовать, к тому же надо искать спонсоров — у мурзев нет денег даже для того, чтобы застраховать работы. Легче сделать выставку какого-то одного проекта. Не могу, к сожалению, назвать точных сроков, но в планах — выставки моего фарфорового проекта в Москве и Петербурге. Дело в том, что в русской истории искусства было время в начале XX века, когда яркие и лучшие художники, не прикладники, а скульпторы и живописцы, работали с фарфором — Петров-Водкин, Кустодиев, Сомов, Добужинский, Малевич, Кандинский — ряд можно продолжать. И их работы — среди самых важных и драгоценных вещей в истории русского фарфора. При Сталине была соответствующая тематика, а в 50-е годы — так называемый мешанский период — зайчики, собачки... И все утек-

ским художником, более того — никогда не стремился им стать, поскольку приехал сюда в зрелом возрасте, сформировавшись уже как художник, и мне захотелось остаться тем, кто я есть. Но многие мои друзья-художники теперь живут в Германии, во Франции, в Америке. С моей точки зрения, русская культура существует не только в России, она — по всему миру. Трудно, к примеру, представить ее без Бродского или Довлатова. Я все-таки чувствую себя отчасти своим, когда приезжаю в Россию.

— Вы делаете такие разные проекты, то живопись, то скульптура, то фарфор, теперь вот новый эксперимент — книга. Вам стало неинтересно то, что вы обычно делали как художник?

— Я бы не назвал свои проекты экспериментами, книга для меня — один из проектов в ряду прочих. Я не потерял время. Для меня в принципе не важен материал, просто вместо красок были слова. И мне не надо было выдумывать, то есть становиться писателем, а значит, заниматься другим трудом.

— Романтика конца 60-х — начала 70-х, преследования, разгony, закрытие выставок у многих художников, перебравшихся на Запад, вызывает ностальгию. У кого-то жизнь не удалась, нет такого внимания к твоей персоне, да и заниматься приходится чем-то другим. Тоскуете ли вы по тем временам?

— Я не тоскую, у меня на это просто нет времени. И мне есть чем заполнить свою сегодняшнюю жизнь. Конечно, мы были тогда моложе, а испытывая давление со стороны, попадая в разные переделки с КГБ, мы отстаивали нашу свободу, жили не так, как хотели они. Но если у человека жизнь только и состояла в этой борьбе, которая окрашивала героизмом его жизнь, наверно, уехал, он действительно что-то потерял. А если у тебя есть какое-то важное дело и ты продолжаешь заниматься им, то нет смысла тосковать. Мне сейчас интересно жить не меньше, чем тогда.

Нью-Йорк